

О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ И НРАВСТВЕННОСТИ

Ежеквартальный научно – практический журнал «ДУХОВНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. ЛИЧНОСТЬ. ГОСУДАРСТВО». № 1, 2006. – С. 76 – 83.

Н.В. Сильченко

Среди исследователей, которые представляют разные отрасли гуманитарных наук, нет единого мнения о содержании категории «справедливость», как и о том, является данная научная категория универсальной, «сквозной» для всех наук гуманитарного цикла либо научной категорией одной отрасли знаний. Особенно отчетливо разногласия по данным вопросам были сформулированы представителями юридической науки. В.С. Нерсисянц пишет, что справедливость является категорией и характеристикой правовой, более того, только право и справедливо [1, с. 165]. С В.С. Нерсисянцем солидарен Н.Н. Ефимов, утверждая, что справедливость является внутренним свойством и качеством права, а поэтому категория справедливости является правовой категорией, а не моральной и религиозной [2, с. 30]. Прямо противоположных взглядов придерживается О.В. Мартышин, который пришел к выводу, что справедливость не является формально-правовой категорией, как ее трактуют некоторые российские философы права, а по своему существу выступает категорией политической и социальной [3, с. 11].

В отличие от ученых-юристов, в среде философов и специалистов в области морали и нравственности распространен более «универсальный» взгляд на природу и характер категории справедливости. Так, Г. Шпренгер полагает, что «...категория «справедливость» выходит за пределы того, что является предметом только права и правовой науки, что она является общей гуманитарной научной и философской ценностью [4, с. 16]».

Исходя из того, что мораль и право представляют собой основные регуляторы человеческих отношений, рассмотрим в данной статье вопрос о том, насколько совместимы либо несовместимы понятия справедливости в праве и морали, положив в основание рассуждений христианское (православное) понимание морали (нравственности) и разработанную автором данной статьи идею эквивалентной сущности права [5, с. 20-22].

Идея эквивалентного начала в общественных отношениях - это первая чисто правовая идея, частное проявление золотого правила нормативной регуляции в целом: «каждому по делам его [6, с. 160]». Данная идея со всей определенностью стала проводиться в правовых системах, по крайней мере, начиная с Законов XII таблиц. Как известно, задача особого претора после создания указанных Законов заключалась в том, чтобы равнять отношения, т.е. делать их эквивалентными, равноправными. П.И. Стучка отмечал, что римское право заимствовало идею эквивалентности отношений из греческой философии. В то же время он подчеркивал, что перенесение философской идеи в правовую систему стало возможным только тогда, когда сформировался реальный товарооборот с его эквивалентом как основой [7, с. 535].

Таким образом, первая чисто правовая идея, с одной стороны, и первоначало права, его первичная клеточка, с другой, коренятся, в конечном счете, в реальном товарообмене на основе меновой стоимости товаров, эквивалента общественно-необходимого труда. Древность последнего реально указывает на то, что правовые отношения с разной формой реализации в них идеи эквивалентного начала сформировались задолго до возникновения римского права. Зародившись в области товарообмена, принцип эквивалента, под которым можно понимать взаимную соразмерность исполнения договора (сделки), определяемую по выработанному путем опыта, оборотом, масштабу для оценки тех или других благ и действий [8, с. 104] постепенно проникает во все сферы социальной действительности, в том числе в отношения публично-правового характера.

Конечно, сам по себе товарооборот, не существующий в чистом виде, не обладает способностью реализовать собственными средствами идею эквивалента. На выработку и

функционирование эквивалентного начала в общественных отношениях влияют практически любые социальные процессы, правда, одни в большей, другие - в меньшей степени.

В цивилизованных обществах процесс формирования эквивалентных начал в общественных отношениях происходит под сильным воздействием со стороны государства. Причем воздействие государственных структур на данные процессы настолько велико, что у отдельных политических течений, как правило, тоталитарного толка, появляются соблазны после прихода к власти перейти к сознательному, «плановому» формированию эквивалента, общего мерила общественных отношений. В то же время отрицательный опыт определения эквивалентных начал в обществах с тоталитарными политическими режимами, не должен толкать к тому, чтобы вообще отказаться от регулятивного вмешательства со стороны государства в эти процессы.

Задача государства должна состоять в том, чтобы поддерживать порядок, «естественный» режим в отношениях, основанных на эквивалентных началах. Попытки государственного вмешательства в распределение материальных и духовных благ, установить благосостояние принудительными средствами (мерами) ведет к разрушению правовых начал общества [9, с. 38]. Если подобные мероприятия облекаются в форму закона, мы имеем дело с «неправовыми» по сути дела законами.

Эквивалентное начало правовых отношений отличает их от отношений нравственных, в которых обмен стоимостей на эквивалентных началах вообще отсутствует. Материальные и духовные ценности в нравственных отношениях также могут переходить от одной стороны отношения к другой, но не на стоимостно - эквивалентной основе, а как проявление любви, милости, благодарения, сострадания к ближнему. Когда не обмен на эквивалентные блага, а их добровольная отдача составляют смысл бытия, то в этом проявляются высшие нравственные качества человека. Разная, но полная самоотдача (каждый отдает, сколько может, но все) создает духовное равенство, целостное сознание «общего» [10, с. 35]. Более того, нравственный уровень общества определяется, на наш взгляд, помимо всего прочего именно тем, насколько распространены в обществе процессы добровольного перераспределения ценностей на неэквивалентной основе. Да и нравственная крепость личности по существу состоит в том, насколько развита в ней способность поделиться с окружающими имеющимися в ее распоряжении (собственности) ценностями (благами) на безвозмездной и безвозвратной основе.

Попутно можно высказать предположение, что одним из существенных направлений в нравственном воспитании человека должно быть формирование у него отмеченной способности, в утверждении ее в качестве внутренней потребности личности. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви данная идея сформулирована следующим образом: «Отношение православного христианина к собственности должно основываться на евангельском принципе любви к ближнему, выраженному в словах Спасителя: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; Как я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга» (Ин.: 13, 34). Эта заповедь является основой нравственного поведения христиан. Она должна служить для них и, с позиции Церкви, для остальных императивом в сфере регулирования межчеловеческих отношений, включая имущественные [11, с. 35]».

Для правового отношения характерно то, что, основываясь на формальном равенстве сторон, процесс его функционирования неизбежно приводит к формированию фактического неравенства, к утверждению закономерности, правильности и справедливости неравенства, освящению фактического неравенства правом. Таким образом, правовая справедливость по своей идее действует «без учета личности», что символизируется завязанными глазами богини правосудия, а для неравных даже равное не равно. Общая цена, которую, например, все платят за хлеб, для богатых имеет иное значение, чем для бедных [12, с. 35].

Для нравственных же отношений это не свойственно. Одна из главных нравственных заповедей гласит: возлюби ближнего своего, как самого себя, т.е. сделай его (и стань сам!) равным себе, как в духовном, так и в материальном плане. Во втором послании к Коринфянам Святой апостол Павел говорит: «Не требуется, чтобы другим было облегчение, а вам тяжесть, но чтоб была равномерность. Ныне ваш избыток в восполнение их недостатка; а после их избыток в восполнение вашего недостатка, чтоб была равномерность [2 - е Кор.: 8, 13; 14]». Таким образом, нравственный принцип заключается в том, чтобы устранить имущественное неравенство. Отсюда вытекает и формула моральной справедливости, выражающая равноценность людей перед Богом и состоящая в том, чтобы отвлечься при распределении и перераспределении собственности и иных ценностей от всех личных интересов, симпатий, антипатий.

Процессы формирования фактического правового неравенства и утверждения равенства в нравственном смысле слова проходят одновременно, пересекаются и стимулируют друг друга, но движение нравственности в социальном пространстве имеет прямо противоположное праву направление и назначение. Право исходит из формального равенства сторон и утверждает фактическое неравенство; нравственность же, признавая закономерность такого неравенства, отталкиваясь от него, стремится установить в обществе фактическое (насколько, конечно, это возможно) имущественное равенство. В этом смысле нельзя согласиться с Е.А.Лукашевой в том, что у права и морали (даже при том условии, что между моралью и нравственностью нет тождества. - *С.Н.*) имеется общность в функциональном отношении [13]. Верно, что право и мораль действуют в едином поле социальных связей, но «полюсы» у правового и морального полей прямо противоположны.

В целом выводы о том, что у морали и права имеется общая функциональная направленность, основаны на материалистическом и атеистическом представлении о том, что по своей сути человек является не просто общественным существом, а совокупностью всех общественных отношений. На таком представлении о сущности человека в общественном сознании и социальной практике вырабатывалась мораль притязаний, ожиданий, а вся моральная жизнь оказывалась ориентированной на внешнюю сторону поведения человека. В свою очередь, внутренняя, духовная и моральная жизнь не принимались во внимание, поскольку моральные ценности согласно такому взгляду на человека вырабатываются внешними по отношению к человеку силами, всем обществом и привносятся в душу человека извне.

Право, утверждая в обществе фактическое неравенство, освещая его, способствует проявлению и утверждению в обществе эгоизма человека, точнее, эгоизма сильного человека. Если бы было создано общество, где бы господствовал идеальный правовой порядок на основе принципа эквивалентности, если бы из жизни общества было убрано перераспределение материальных и духовных ценностей на неэквивалентной основе, то ни о какой нравственности не могло бы быть и речи. Нравственные добродетели атрофировались бы и были забыты, «...чем открылось бы царство волков, не перегрызающих друг другу горла лишь из уважения к праву другого волка на неприкосновенность его горла [14, с. 174—179]». Дело в том, что рынок утверждает право сильного, подрывая нравственные нормы, частная собственность отгораживает друг от друга граждан и объединения людей. Из этого следует, что право лишь тогда способно эффективно выполнять свою роль в обществе, когда правовому принципу (эквивалентности отношений) в качестве его противоположности противостоит соответствующий нравственный принцип (неэквивалентности отношений), который препятствует тому, чтобы реализация правовых начал доходила до крайности.

Изложенное позволяет сделать вывод: для деятельности законодателя нравственная сфера жизни общества должна быть закрыта, а отношения, построенные исключительно на нравственных ценностях не должны быть предметом его воздействия. Не должны подлежать законодательному регулированию нравственные убеждения людей, их идеалы,

ценности и цели. Законодательная власть никогда не должна входить в область этики. Власть, которая вторгается в эту область, преступает пределы своего права. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви подчеркивается: «Право — особая сфера, отличная от смежной с ней этической сферы: оно не определяет внутренних состояний человеческого сердца, поскольку сердцеведом является лишь Бог [2, с. 21] ».

Становится очевидным, что справедливость в правовом смысле слова не совпадает с содержанием понятия справедливости в нравственном смысле слова.

Регулирование с помощью законов отношений по поводу социальной защиты населения, отношений милосердия, оказания социальной помощи и подобные им факты не опровергают высказанный тезис. Дело в том, что закон, регулируя подобные общественные отношения, все же действует в сфере права. Он находится как бы на рубеже столкновения права и нравственности, ставит границу (предел) действию права, не позволяет ему дойти до логического конца. Можно также сказать, что такого рода законы не вполне отвечают духу и природе права, это своеобразные «антиправовые» законы. Они остаются в сфере действия права, регулируя стоимостные отношения, но делают это скорее по инерции, чем по сути. Феномен подобного рода законов практически не изучен в теории права. В литературе, особенно публицистической, их иногда называют нравственными законами. Это верно, если иметь в виду, что они инспирированы нравственными началами.

Вместе с тем следует отметить и то, что на границе столкновения права и морали появляются не только законы, которые инспирированы нравственными постулатами, но и, наоборот, такие законы, которые инспирированы правовыми началами и непосредственно вторгаются в сферу морали, более того, идут в разрез с нравственными принципами и божественными нормами. Их можно было бы именовать «антинравственными» законами. Представляется обоснованным мнение Архиерейского собора Русской Православной Церкви, на котором были утверждены указанные основы ее социальной концепции, о том, что «...в тех случаях, когда человеческий закон совершенно отвергает абсолютную божественную норму, заменяя ее противоположной, он перестает быть законом, становясь беззаконием, в какие бы правовые одежды он ни рядился... Иными словами, человеческий закон никогда не содержит полноту закона божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным принципам, а не разрушать их» [2, с. 23].

Моральные (нравственные) стандарты лишь тогда имеют отношения к праву, когда лежат в пределах сферы действия права. Законодательство потому и не может декретировать нравственность, что его назначение состоит в том, чтобы выразить и закрепить именно правовую природу вещей, а не нравственную. Для выражения, закрепления и защиты последней существуют иные формы, способы и средства. При противоположной социальной направленности права и нравственности попытка законодателя декретировать нравственность неизбежно привела бы к созданию системы не только «антинравственного», но одновременно и «неправового» законодательства.

Исходя из вышеизложенного, нельзя согласиться с мнением Р.З. Лившица о том, что право есть нормативно закрепленная справедливость, а верховенство принадлежит только справедливому закону [15, с. 43]. И дело не в том, что в позиции Р.З. Лившица законодателю фактически отводится роль создателя права, определителя того, какая справедливая идея заслуживает превращения в законную, а, следовательно, правовую, а какая не достойна высокого правового звания. Данная позиция особенно искусительна для современного, в некоторой степени атеистического, государства, которое, понимая под справедливостью появляющиеся в современном обществе нехристианские ценности, могут попытаться (что уже и делают) утвердить данные ценности в качестве законных, легитимных, придать им правовую форму и предложить обществу иногда антихристианские, антиморальные идеалы, принципы и ценности.

Важно другое: праву и нравственности присущи свои, не совпадающие координаты, меры и, соответственно, шкалы справедливости.

Справедливо в правовом понимании то, что основано на эквивалентном взаимоотношении сторон и не нарушает их формального равенства. Причем система эквивалента исторически переменчива и вырабатывается не иначе как при участии хотя бы двух сторон общественного отношения. Справедливость же в нравственном смысле слова строится на неэквивалентной и безвозмездной основе. Критерии нравственной справедливости не подвергаются конъюнктурным переменам, они даны Богом, изначально вложены в душу человека, поэтому являются вечными. Кроме того, шкала справедливости в праве строго формализована, можно даже сказать, что без формализации в праве нет и не может быть справедливости. Шкала нравственной справедливости, в свою очередь, не может быть формализована, поскольку «...не благодатна и не жизненна формальная мораль».

Для правовой шкалы справедливости важно, чтобы внешняя сторона человеческого поведения вполне укладывалась в понятие эквивалентности и формального равенства сторон, потому что право имеет дело с внешними действиями людей по перераспределению стоимостей. Наоборот, внешняя сторона человеческого поведения не взвешивается на весах нравственности. Благодеяние может быть нравственным или нет в зависимости от того, чем оно вызвано: любовью к ближнему или своекорыстными видами.

Законодатель не может провозгласить правом и безнравственность, ибо это означало бы замену права бесправием. Если нравственность стремится преодолеть фактическое неравенство в легальных, правовых формах либо в формах, которые не нарушают правовую природу общественных отношений, то безнравственность не только отрицает нравственные основы общества, но и направлена на то, чтобы утвердить в обществе такое неравенство (чаще всего под покровом, одеянием стремления к равенству), которое основано на отрицании и разрушении права. Таким образом, нравственность признает право как объективную, необходимую форму бытия общества, безнравственность же его отрицает. При внешне одинаковой социальной направленности права и безнравственности - это антиподы по существу, поскольку процесс функционирования права, в отличие от безнравственности, приводит к естественно - историческому, закономерному, а потому правильному и справедливому неравенству, безнравственность же никогда не может привести к справедливому равенству.

Как же совмещаются и совмещаются ли вообще шкалы справедливости в морали и праве? Представляется, что основы взаимодействия таких шкал сформулированы в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, где подчеркивается, что право содержит в себе некоторый минимум нравственных норм, обязательных для всех членов общества. Задача светского закона - не в том, чтобы лежащий во зле мир превратился в Царствие Божие, а в том, чтобы он не превратился в ад. Данное положение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что шкала нравственной справедливости частично пересекается со шкалой справедливости в правовом смысле слова. Причем данное пересечение свидетельствует о том, что мораль (нравственность) является более сильным нормативным регулятором, чем право, поскольку может корректировать шкалу справедливости в правовом смысле слова, оказывая на нее сильное воздействие. Что же касается воздействия правовой шкалы справедливости на нравственную, то здесь, несмотря на известные истории права попытки законодательного определения и закрепления принципов и норм морали (нравственности), последние не претерпели заметной трансформации и изменения.

Таким образом, на сформулированные в начале статьи вопросы о содержании категории «справедливость» и о ее «отраслевой прописке» можно дать следующие ответы.

Несмотря на то, что категория «справедливость» активно используется в различных отраслях научного знания, в каждой из них (по крайней мере, в сфере права и нравственности) она имеет свое специфическое содержание, свои отличительные критерии и шкалы, которые определяются природой прежде всего нормативных

регуляторов, действующих в обществе, и которые рассматриваются с точки зрения закрепления в них идеи справедливости либо несправедливости, а также содержанием тех общественных отношений, на которые воздействуют данные регуляторы.

В то же самое время, в силу единства действующих в обществе нормативных регуляторов и системы, регулируемых ими общественных отношений, по всей видимости, имеются некоторые единые «генетические корни» (элементы) в понимании справедливости в самых разных сферах человеческого бытия. Можно высказать предположение о том, что данное единство предопределяется мерами и шкалами справедливости, которые содержатся в морали (нравственности) в силу универсальности, вечности и неизменности последней. Отсюда ясно, что укрепление нравственности (морали) является тем магистральным путем, который, во-первых, в состоянии привести к укреплению в обществе начал справедливости в самых разных сферах его бытия, а, во-вторых, будет способствовать выработке универсальному пониманию справедливости в гуманитарных науках на основе критериев, мер и шкал справедливости, свойственных морали. При этом, конечно, будет сохранена и специфика в понимании справедливости в разных отраслях научного знания.

Литература:

1. *Нерсисянц В.С. Философия права. М, 1998.*
2. *Основные концепции права и государства в современной России (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГиП РАН) // Государство и право. 2003. № 5.*
3. *Мартынам О.В. Справедливость и право //Право и политика. 2000. № 12.*
4. *Шпренгер Г. Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости //Государство и право. 2003. № 5.*
5. *Сильчанка М.У. Агульная тэорыя права. Гродно, 1997.*
6. *Пашуканис Е.Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М.,1980.*
7. *Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига,1964.*
8. *Иеринг Р. Цель в праве. Т.1. СПб., 1881.*
9. *Koslowski P. Staat und Gesellschaft bei Kant. – Tübingen:Mohr? 1995.*
10. *Франк С.Л. Философские предпосылки деспотизма // Вopr. философии. 1992. № 3.*
11. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2000.*
12. *Шпренгер Г. Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости // Государство и право. 2003. № 5.*
13. *Лукашева Е.А. Право. Мораль. Личность. М., 1986.*
14. *Бердяев Н.А. Судьба России. М., 2004.*
15. *Лившиц Р.З. Теория права. М, 1994.*
16. *Ильин И. Основы христианской культуры. СПб., 2004.*